

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.337.5

*А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев***ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 205.2 УК РФ):
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И КВАЛИФИКАЦИИ***

В представленной работе проведен системный анализ положений УК РФ, регулятивного законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительной практики, а также результатов исследований, посвященных интерпретации признаков публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ). Обоснован вывод о том, что призыв должен рассматриваться как публичный лишь в случае его обращения к персонально неопределенному кругу лиц. Обращение призыва к индивидуально определенным лицам предлагается квалифицировать по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Предложена аргументация в пользу признания исполнителем преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, только распространителя призыва. Под террористической деятельностью предлагается понимать совершение преступлений, входящих в перечень, указанный в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Установлено, что вопрос определения минимального возраста уголовной ответственности за преступные проявления террористической деятельности в действующем УК РФ решается без соблюдения принципа системности уголовно-правовой регламентации. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности должны получать квалификацию по ст. 205.2 УК РФ как по специальной норме по отношению к ст. 280 УК РФ. Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: публичные призывы, террористическая деятельность, публичность, уголовное право.

Тарбагаев Алексей Николаевич — доктор юридических наук, Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, 660041, Красноярск, Свободный, 79; Alex_t@4mail.ru

Москалев Георгий Леонидович — старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, 660041, Красноярск, Свободный, 79; eucaliptus@yandex.ru

Tarbagaev Aleksey N. — Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, 79, Svobodniy, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; Alex_t@4mail.ru

Moskalev Georgy L. — Senior Lecturer, Siberian Federal University, 79, Svobodniy, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; eucaliptus@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках исследовательского проекта «Комментарий уголовного законодательства о противодействии террористической и экстремистской деятельности» № 16-13-24001/16.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

PUBLIC CALLS TO THE PERFORMANCE OF TERRORIST ACTS (ARTICLE 205.2 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION

In this article we provide a systematic analysis of norms of the Criminal code of the Russian Federation, of regulative legislation, of interpretations given by the Plenum of the High court of the Russian Federation, of acts of legal practice and of the results of other investigations dedicated to interpreting aspects for public incitement of terrorist activities (article 205.2 of the Criminal code of Russian Federation). The conclusion is justified that a call to engage in terrorism can be qualified as public only in case it is directed to a personally unidentified number of individuals. An appeal to individually identified persons should be qualified by part 1 of the article 205.1 of the Criminal code of Russian Federation. The argument for recognizing the propagator of an appeal as one who has committed the crime under the article 205.2 of the Criminal code of Russian Federation is proposed. It is proposed to understand terroristic activity according to the list of crimes mentioned in part 1 article 205.1 of the Criminal code of the Russian Federation. We have discovered that the problem of the minimal age of criminal liability for terroristic activities in the current edition of the Criminal code of Russian Federation is solved without abidance of the principle of systematic criminal law regulation. Public appeals for terrorist activity should be qualified under the article 205.2 of the Criminal code of Russian Federation, because this norm is particular to the article 280 of the Criminal code of Russian Federation. Refs 25.

Keywords: public appeals; terrorist activity; publicity; criminal law.

На протяжении многих лет Российская Федерация проводит последовательную политику по борьбе с терроризмом — одной из главных угроз современного мира. В рамках реализации этой политики Россия, наряду с другими странами, стала одной из участниц Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» 2005 г. В силу ч. 2 ст. 5 этого международного акта Россия взяла на себя обязательство принять меры, которые могут потребоваться для признания «публичного подстрекательства к совершению террористического преступления» в качестве уголовного преступления в рамках своего внутреннего законодательства¹. Во исполнение этого обязательства Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена новая ст. 205.2, предусматривающая ответственность, помимо прочего, за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности².

За десять лет существования ст. 205.2 в УК РФ в науке уголовного права сформировались позиции относительно содержания большинства признаков состава этого преступления, сложилась судебная практика применения нормы. Однако до сих пор среди теоретиков и правоприменителей существуют разночтения в понимании ключевых вопросов уголовно-правовой регламентации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Цель статьи — продолжить исследование признаков преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, в части публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, а также

¹ Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» от 16.05.2005 (CETS N 196) // СЗ РФ. 2009 № 20. Ст. 2393.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 07.02.2011) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

установить новые, ранее не известные проблемы применения этой уголовно-правовой нормы и предложить их решение.

Помимо правового основания криминализация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности имеет и социальные предпосылки, обусловленные общественной опасностью этого деяния. Распространение таких призывов подготавливает почву для распространения террористических преступлений, подталкивает лиц к их совершению, в целом насаждает идеологию терроризма и, следовательно, дестабилизирует социальную обстановку в стране. Таким образом, совершение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности посягает на общественную безопасность, которая выступает основным непосредственным объектом этого преступления.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, представлена двумя альтернативными действиями: призывами к осуществлению террористической деятельности и оправданием терроризма. Второе действие при этом не охватывается объектом настоящего исследования. Нельзя не заметить, что Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» не содержит обязательств для стран-участниц по криминализации оправдания терроризма. Можно заключить, что включение в диспозицию ст. 205.2 УК РФ публичного оправдания терроризма, наряду с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, не связано с имплементацией конвенционных положений и является инициативой законодателя. С одной стороны, такой подход влечет неполное соответствие национальной нормы положениям международного договора. С другой — расширение круга деяний, охватываемых нормой в УК РФ по сравнению с Конвенцией Совета Европы «О предупреждении терроризма», не может рассматриваться как неисполнение Россией своих международных обязательств по борьбе с терроризмом и означает лишь то, что оправдание терроризма признается преступлением не всеми странами — участницами названного договора, а только конкретным государством. Подобная практика является допустимой с точки зрения права, с чем согласны и другие исследователи [1, с. 68].

Анализ доктринальных разработок по вопросу толкования первого из альтернативных вариантов совершения преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, демонстрирует, что понимание призыва как общественно опасного действия в науке уголовного права не представляет проблемы. Призывы — это обращение, воздействующее на сознание и волю людей в целях возбуждения у них желания вести себя определенным образом, в данном случае — осуществлять террористическую деятельность. Схожие определения приводятся в большинстве научных источников [2, с. 62; 3; 4; 5] и согласуются с разъяснением этого термина, данного в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»³. Призывы должны выражаться в глаголах повелительного наклонения [4; 6], которые указывают на желание обращающегося склонить аудиторию к определенному поведению. Призывы могут осуществляться в любой форме: устной, письменной, содержаться в аудио- или видеообращении. Обзор судебной практики показывает,

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

что призывы наиболее часто распространяются посредством их размещения в открытом доступе в сети Интернет⁴.

Согласно диспозиции ст. 205.2 УК РФ, виновный призывает к осуществлению террористической деятельности. Понятие террористической деятельности раскрывается в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»⁵ путем перечисления действий, составляющих его содержание. В науке высказываются предложения понимать под террористической деятельностью как эти действия [2, с. 62], так и совершение преступлений, перечень которых указан в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ [6], а также совершение преступлений из списка, предусмотренного ч. 1 примечания к ст. 205.1 УК РФ [7]. Последняя позиция видится наименее продуктивной, поскольку в ч. 1 примечания к ст. 205.1 УК РФ раскрывается содержание финансирования терроризма, и, соответственно, данный перечень преступлений охватывается понятием терроризм, а не террористической деятельностью. Считаем необходимым поддержать вторую позицию и включить в содержание террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 205, 206, 208, 211, 277–279, 360 УК РФ. Такой подход представляется наиболее удачным для правоприменительной практики, а также в полной мере отвечает принципу законности, закрепленному в ст. 3 УК РФ [8, с. 103].

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»⁶, террористическая деятельность является разновидностью экстремизма. При этом в УК РФ существует самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Уголовно-правовая регламентация публичных призывов к террористической деятельности одновременно двумя нормами породила ситуацию конкуренции ст. 280 УК РФ и ст. 205.2 УК РФ. Сложившаяся ситуация критикуется исследователями, но при этом правило квалификации ими не предлагается [9; 10]. Нетрудно заметить, что ст. 205.2 УК РФ в части публичных призывов к осуществлению террористической деятельности предусматривает ответственность за разновидность преступного поведения, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Такое соотношение характерно для конкуренции общей и специальной норм, где специальная устанавливает ответственность за частные проявления деяний, предусмотренных общей нормой [11, с. 242]. Согласно разработанному наукой уголовного права правилу квалификации, законодательно закрепленному в ч. 3 ст. 17 УК РФ, при наличии конкуренции применению подлежит специальная норма [12, с. 153], в рассматриваемой ситуации — ст. 205.2 УК РФ.

⁴ См., напр.: Приговор Центрального районного суда города Хабаровска от 30.05.2014 по делу № 1-№/14 // https://centralnyr-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16658384&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения: 15.02.2016); Приговор Дальнереченского городского суда Приморского края от 27.07.2011 // http://dalnerechensky.prm.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=25600161107131648392501000053266 (дата обращения: 15.02.2016); Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 11.02.2011 по делу № 1-207/2010 // http://ivanovsky.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=37600051012280901414211000022259 (дата обращения: 15.02.2016); и др.

⁵ Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁶ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.05.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Сложности при квалификации вызывает ситуация, когда автор информации, содержащей призыв, и ее распространитель являются разными лицами. Одни исследователи предлагают в таком случае признавать этих лиц соисполнителями преступления [9, с. 6; 13]. Другие авторы рассматривают в качестве исполнителя лишь лицо, распространившее информацию, а ее автора предлагают признавать пособником [14]. Аналогичную позицию занял Верховный Суд РФ, связав юридическое окончание преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, совершенного путем публичного призыва к террористической деятельности, именно с распространением информации⁷. С нашей точки зрения, следует поддержать последнюю позицию. Поскольку правовым основанием криминализации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности является ст. 5 Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма», ст. 205.2 УК РФ содержательно должна находиться в соответствии с положениями этого международного правового акта. Конвенция, в свою очередь, определяет публичное подстрекательство как «распространение или иное представление»⁸, а не создание информации. Следовательно, конвенционному пониманию публичных призывов к осуществлению террористической деятельности соответствует признание исполнителем только распространителя призыва.

Ст. 205.2 УК РФ предусматривает ответственность за призывы к осуществлению террористической деятельности лишь в том случае, если они совершены публично. Публичный способ является обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления, однако установление его содержания представляет серьезную, ключевую проблему для исследователей. Сегодня в доктрине уголовного права предлагаются различные критерии публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма. Наименее конструктивным представляется понимание публичности как действий в отношении определенного или неопределенного круга адресатов [3; 9]. Такая позиция, в сущности, не дает никакого критерия для отграничения публичного распространения информации от непубличного. Также критически следует отнестись к такому критерию публичности, как широкое или большое число адресатов [15, с. 44; 16]. Не ясно, насколько большим должно быть количество лиц, к которым обращен призыв, чтобы признать его публичным.

Одной из распространенных позиций по рассматриваемому вопросу является признание публичным обращения в отношении двух или более адресатов [2, с. 62; 7, с. 143; 17, с. 182; 18; 19], которых некоторые авторы для данного случая называют неопределенным кругом лиц [20, с. 176]. Этот критерий, будучи наделенным постоянным количественным признаком, очевидно, удобен для правоприменительной практики. Он нашел отражение и в ряде судебных решений. Так, приговором Первомайского районного суда города Омска виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, был признан И. В. Королев. Из текста решения суда следует, что с 25 декабря 2009 г. по 19 февраля 2010 г. имело место пять случаев призывов к террористической деятельности со стороны И. В. Королева

⁷ Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

⁸ СЗ РФ. 2009 № 20. Ст. 2393.

в отношении двух ранее знакомых виновному лиц⁹. Стоит отметить, что адресатами в каждом эпизоде становились разные лица, но всегда по два человека. В другом деле суд квалифицировал по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ призывы к осуществлению террористической деятельности, имевшие место в ходе нескольких бесед с двумя лицами¹⁰. При этом вывод о публичности суд, очевидно, установил из совокупности имевшихся разговоров, поскольку адресатом призыва в рамках каждого из них был только один человек, а следовательно, если рассматривать их отдельно, публичными они не были.

Содержание признака публичности также раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Согласно п. 18 данного акта, публичным может быть обращение к другим лицам, выраженное в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей). Пункт 19 данного постановления уточняет, что вопрос о публичности должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например, на сайтах, форумах или в блогах, распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений и т. п.). Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» дословно повторяет приведенное описание публичности и применительно к ст. 280 УК РФ¹¹. Таким образом, интерпретация содержания признака публичности Пленумом Верховного Суда РФ является стабильной и не меняется относительно различных составов преступлений.

Анализируя приведенный перечень, можно увидеть, что все примеры публичных обращений адресуются к неопределенному кругу лиц. Иными словами, лицо обращается не к конкретным субъектам. Индивидуальные характеристики адресатов его не интересуют. Именно такой характер обращений, с нашей точки зрения, и является определяющим признаком публичности [21]. При этом речь здесь должна идти не столько о количественной, сколько о персональной неопределенности адресатов. При обращении к группе людей в общественных местах, на собраниях, а равно при распространении обращения путем массовой рассылки электронных сообщений количество адресатов зачастую может быть точно установлено. Однако индивидуальные характеристики этих людей будут безразличны для виновного, что и обуславливает выбор им соответствующего способа распространения информации.

⁹ Приговор Первомайского районного суда города Омска от 24.11.2011 по делу № 1-425/2011 // https://pervomaycourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8271542&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения: 15.02.2016).

¹⁰ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.03.2014 № 23-АПУ14-4 // СПС «Консультант плюс», 2016. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=387970> (дата обращения: 15.02.2016).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

Изложенное понимание публичности согласуется с правовым основанием криминализации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Как уже было отмечено, в ч. 2 ст. 5 Конвенция «О предупреждении терроризма» предусмотрела обязанность стран — участниц этого международного акта принять меры для признания в качестве уголовного преступления в рамках своего внутреннего законодательства публичного подстрекательства к совершению террористического преступления. Но действующий УК РФ в ч. 4 ст. 33 уже предусматривал ответственность за подстрекательство к преступлению. Может показаться, что в такой ситуации введение в уголовный закон новой статьи было излишним, а меры, указанные в конвенции, уже были приняты. Однако подстрекательство по ч. 4 ст. 33 УК РФ отличается от конвенционного. Первое характеризуется индивидуальной определенностью, поскольку возбуждать решимость к совершению преступления можно только у конкретных лиц [22, с. 217]. Очевидно, что публичное подстрекательство признаком индивидуальной определенности адресатов не обладает [21], иначе отсутствовала бы потребность по введению исследуемого состава преступления в УК РФ. Поэтому считаем, что законодатель верно интерпретировал публичное подстрекательство, указанное в ч. 2 ст. 5 Конвенция «О предупреждении терроризма», адаптировав его форму при имплементации международно-правовых положений под терминологию, используемую в УК РФ.

Исходя из изложенного следует критически отнестись к позиции авторов, предлагающих в качестве публичных призывов к осуществлению террористической деятельности рассматривать обращения к конкретным, персонально определенным лицам [9; 20, с. 177]. Точка зрения, согласно которой такие обращения не охватываются ст. 205.2 УК РФ, поддерживается и другими исследователями [6; 7; 18]. Со своей стороны считаем необходимым лишь уточнить предлагаемую ими квалификацию этих действий. С нашей точки зрения, они должны получать уголовно-правовую оценку не как подстрекательство к соответствующему преступлению со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ, а по статье, предусматривающей ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в террористическую деятельность по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ.

Диспозиция ст. 205.2 УК РФ не содержит указания на наступление каких-либо общественно опасных последствий в результате публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Следовательно, состав рассматриваемого преступления по способу описания объективной стороны является формальным. Аналогичную точку зрения выразил Пленум Верховного Суда РФ, указав, что публичные призывы к осуществлению террористической деятельности следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет¹².

Вопрос определения признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, на первый взгляд, не относится к числу дискуссионных. Субъектом публичных призывов к осуществлению террористической деятельности является вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения престу-

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

пления возраста 16 лет. Действительно, ст. 205.2 УК РФ не упоминается в перечне ч. 2 ст. 20 УК РФ среди преступлений, ответственность за которые может наступать с 14 лет. Возникает вопрос обоснованности установления законодателем общего возраста уголовной ответственности для рассматриваемого деяния.

Ориентиры для определения нижнего предела возраста уголовной ответственности для всех национальных правовых систем заложены в международных актах ООН. Так, согласно ст. 4.1 Пекинских правил, данный вопрос должен решаться с учетом аспектов эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости, так как минимальный возраст уголовной ответственности весьма различается в зависимости от исторических и культурных особенностей¹³. Ориентиры для решения исследуемой проблемы в отечественном уголовном праве разработаны в доктрине и подтверждают рекомендации Пекинских правил. Отмечается, что, устанавливая возраст уголовной ответственности, законодатель исходит из соответствующих исторических условий развития общества, типичных для большинства подростков условий развития и формирования на разных стадиях жизненного пути, характерных для нашего государства [23, с. 84]. Учет изложенных обстоятельств должен показать возможность для большинства лиц в определенном возрасте осознавать социальное значение совершаемых деяний [23, с. 85; 24, с. 151].

Представляется, что преступления террористической направленности имеют сопоставимое социальное значение в силу сходства их объектов. При этом в перечне преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет, в ч. 2 ст. 20 УК РФ указаны лишь такие виды террористической деятельности, как террористический акт (ст. 205) и захват заложника (ст. 206).

Указанные преступления относятся к категории особо тяжких и тяжких. Отсюда может сложиться впечатление, что законодатель при определении минимального возраста наступления уголовной ответственности для разновидностей террористической деятельности опирался на другой критерий, предлагаемый доктриной, — тяжесть преступления. Однако, очевидно, что это не так, поскольку в перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ не были включены содействие террористической деятельности (ст. 205.1), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности с использованием СМИ (ч. 2 ст. 205.2), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208). Таким образом, приходится констатировать, что вопрос установления минимального возраста уголовной ответственности за преступные проявления террористической деятельности в действующей редакции УК РФ решается без соблюдения принципа системности уголовно-правовой регламентации.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, содержит один обязательный признак — вину в форме прямого умысла. Данный тезис не вызывает споров среди исследователей и согласуется со сложившимися в доктрине отечественного уголовного права представлениями о невозможности совершения с косвенным умыслом преступлений, объективная сторона которых

¹³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29.11.1985 (приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 10.11.2015).

не содержит таких признаков, как следствие и причинная связь. Так, по мнению В. Б. Малинина, «психологическая конструкция косвенного умысла резко сужает сферу его возможного бытия, поэтому он может существовать только в преступлениях с материальным составом» [25, с. 768]. Содержание вины исследуемого преступления составляют осознание общественной опасности публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и желание их совершения. Диспозиция ст. 205.2 УК РФ не указывает специальных мотивов и целей в составе субъективной стороны исследуемого преступления.

В ч. 2 ст. 205.2 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности при наличии квалифицирующего признака — использования средств массовой информации. Согласно ст. 2 Федерального закона «О средствах массовой информации», под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)¹⁴. Повышенная общественная опасность совершения рассматриваемых деяний с использованием СМИ обусловлена, на наш взгляд, тем, что такие издания носят периодический и массовый характер и, следовательно, как правило, имеют постоянную и многочисленную аудиторию. В случае появления в СМИ призывов к осуществлению террористической деятельности эта аудитория наверняка станет адресатом такой информации.

Наименьшие проблемы при квалификации содеянного по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ возникают в случае, когда издание, в котором была размещена информация, содержащая призывы к осуществлению террористической деятельности или оправдывающая терроризм, было зарегистрировано в установленном законом порядке в качестве СМИ. Отсутствие факта регистрации исключает возможность признания такого издания средством массовой информации только для сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в силу прямого указания на это в ст. 8 Федерального закона «О средствах массовой информации». Использование иных изданий, не зарегистрированных в качестве СМИ, не исключает квалификации по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ при соблюдении условий, установленных ст. 2 Федерального закона «О средствах массовой информации» для различных видов изданий.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 495 с.
2. Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Т. IV. Преступления против общественной безопасности. 682 с.
3. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: Научно-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.
4. Уголовное преследование терроризма. М.: Юрайт, 2008. 160 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 704 с.

¹⁴ Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 30.12.2015) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

6. Корнилов А. В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 92–99.
7. Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 141–144.
8. Тарбагаев А. Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 101–106.
9. Агапов П. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4–6.
10. Ростокинский А. В., Толтекин К. А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. 2014. № 18. С. 31–34.
11. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2004. 304 с.
12. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений / под ред. А. И. Парога. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 176 с.
13. Шибзухов З. А. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенных в соучастии // Общество и право. 2011. № 2. С. 184–187.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с.
15. Грузинская Е. И. Вопросы наказуемости уголовно-правовых деяний (на примере наказуемости публичных призывов) // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3). С. 44–46.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с.
17. Лагодин А. В. Объективная сторона публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 181–183.
18. Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14–16.
19. Бажин Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162–168.
20. Димитрова Е. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как средство противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 175–178.
21. Москалев Г. Л. Проблема криминализации публичных призывов к совершению геноцида // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 6. С. 24–26.
22. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЮрИнфоР, 2001. 316 с.
23. Павлов В. Г. Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 318 с.
24. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М.: Проспект, 2012. 448 с.
25. Малинин В. Б. Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд. Профессора Малинина, 2005. Т. 4. Состав преступления. 797 с.

Для цитирования: Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2016. Вып. 2. С. 28–39. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.203

References

1. Inogamova-Khegai L. V. *Mezhdunarodnoe ugovnoye pravo [International criminal law]*. St. Petersburg, Legal Press center Publ., 2003. 495 p. (In Russian)
2. *Polnyi kurs ugovnogo prava: V 5 t. T.IV. Prestupleniia protiv obshchestvennoi bezopasnosti [Total course of criminal law. In 5 vols. Vol. IV: Crimes against social security]*. Ed. by A. I. Korobeev. St. Petersburg, Legal Press center, 2008. 682 p. (In Russian)
3. *Otsenochnye priznaki v Ugovnom kodekse Rossiiskoi Federatsii: nauchnoe i sudebnoe tolkovanie: Nauchno-prakt. posobie [Evaluative aspects in the Criminal code of Russian Federation: scientific and judicial*

interpretation: scientific and practical manual]. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow: Norma Publ., 2014. 736 p. (In Russian)

4. Burkovskaya V. A., Markina E. A., Melnik V. V. et al. *Ugolovnoe presледovanie terrorizma* [Criminal persecution of terrorism]. Moscow, Jurajt Publ., 2008. 160 p. (In Russian)

5. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to Criminal code of Russian Federation (per article)]. Eds V. I. Radchenko, A. S. Mikhlin, V. A. Kazakova. 2nd ed., refined and edited. Moscow, Prospect Publ., 2008. 704 p. (In Russian)

6. Kornilov A. V. Razgranichenie publichnykh prizyvov k ekstremistskoi i terroristicheskoi deiatel'nosti [Differentiation of public appeals to extremist and terrorist activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Tomsk State University. Law], 2013, no. 4 (10), pp. 92–99. (In Russian)

7. Pinkevich T. V., Chernykh E. E. Publichnye prizyvyy k osushchestvleniiu terroristicheskoi deiatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: problemy kvalifikatsii [Public appeals to terrorist activity or public alibi of terrorism: problems of qualification]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Vestnik of Nizhniy-Novgorod academy of the Ministry of internal Affairs of Russian Federation], 2014, no. 3 (27), pp. 141–144. (In Russian)

8. Tarbagaev A. N. Problemy ugolovno-pravovoi kvalifikatsii terrorizma [Problems of criminal and legal qualification of terrorism]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law], 2013, no. 1, pp. 101–106. (In Russian)

9. Agapov P. V. Publichnye prizyvyy k osushchestvleniiu terroristicheskoi deiatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: analiz zakonodatel'noi novatsii [Public appeals to terrorist activity or public alibi for terrorism: legal novation analysis]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2007, no. 1, pp. 4–6. (In Russian)

10. Rostokinskii A. V., Tolpekin K. A. Ocherednye «antiterroristicheskie» novelty ili vvedenie v «unikal'nuiu» chast' Ugolovnogo kodeksa? [Next “antiterrorist” novation or edition to the “unique” part of Criminal code?]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2014, no. 18, pp. 31–34. (In Russian)

11. Kudriavtsev V. N. *Obshchaia teoriia kvalifikatsii prestuplenii* [Common theory for crimes qualification]. Moscow, Iurist Publ., 2004. 304 p. (In Russian)

12. Korneeva A. V. *Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenii* [Theoretical grounds for crimes qualification]. Ed. by A. I. Rarog. Moscow, TK Velby, Prospect Publ., 2008. 176 p. (In Russian)

13. Shibzukhov Z. A. Problemy kvalifikatsii publichnykh prizyvov k osushchestvleniiu terroristicheskoi deiatel'nosti ili publichnogo opravdaniia terrorizma, sovershennykh v souchastii [Problems of qualification of public appeals to terrorist activity of public alibi of terrorism, committed in complicity]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2011, no. 2, pp. 184–187. (In Russian)

14. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: V 2 t.* [Commentary to Criminal code of Russian Federation: In 2 vols. Vol. 2]. Ed. by A. V. Brilliantov. Moscow, Prospect Publ., 2015. 704 p. (In Russian)

15. Gruzinskaiia E. I. Voprosy nakazuemosti ugolovno-pravovykh deianii (na primere nakazuemosti publichnykh prizyvov) [Questions of criminal activities punishment (on the example of public appeals punishment)]. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii* [Vestnik of Nizhniy-Novgorod legal academy], 2014, no. (3), pp. 44–46. (In Russian)

16. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskii (postateinyi)* [Commentary to Criminal code of Russian Federation: scientific and practical (per article)]. Eds S. V. Djakov, N. G. Kadnikov. 2nd ed., refined and edited. Moscow, Jurisprudence Publ., 2013. 912 p. (In Russian)

17. Lagodin A. V. Ob'ektivnaia storona publichnykh prizyvov k soversheniiu terroristicheskoi deiatel'nosti ili publichnogo opravdaniia terrorizma [Objective side of public appeals to terrorist activity or public alibi of terrorism]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2009, no. 1 (23), pp. 181–183. (In Russian)

18. Kibal'nik A., Solomonenko I. Publichnye prizyvyy k osushchestvleniiu terroristicheskoi deiatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma [Public appeals to terrorist activity and public alibi of terrorism]. *Zakonnost'* [Legality], 2007, no. 2, pp. 14–16. (In Russian)

19. Bazhin D. A. K voprosu o ponimanii publichnosti v ugolovnom prave [The question of understanding of publicity in criminal law]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian legal journal], 2011, no. 2, pp. 162–168. (In Russian)

20. Dimitrova E. A. Ugolovnaia otvetstvennost' za publichnye prizyvyy k osushchestvleniiu ekstremistskoi i terroristicheskoi deiatel'nosti kak sredstvo protivodeistviia ekstremizmu i terrorizmu [Criminal liability for public appeals to extremist and terrorist activity as a method of opposition to extremism and terrorism]. *Vestnik Sibirskogo iuridicheskogo instituta FSKN Rossii* [Vestnik of Siberian legal institute of Russian Federal Service for Drug Control], 2012, no. 1 (10), pp. 175–178. (In Russian)

21. Moskaev G. L. Problema kriminalizatsii publicnykh prizyvov k soversheniiu genotsida [Problem of public appeal to genocide commitment criminalization]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Vestnik of Altay academy of economics and law], 2014, no. 6, pp. 24–26. (In Russian)
22. Gaukhman L. D. Kvalifikatsiia prestuplenii: zakon, teoriia, praktika [Crimes qualification: law, theory, practice]. Moscow, IurlitInfoR Publ., 2001. 316 p. (In Russian)
23. Pavlov V. G. Sub'ekt prestupleniia [Subject of a crime]. St. Petersburg, Legal Press center Publ., 2001. 318 p. (In Russian)
24. Uголовное право. Obshchaia chast': Uchebnik [Criminal law. Common part: textbook]. Ed. by A. N. Tarbagaev. Moscow, Prospect Publ., 2012. 448 p. (In Russian)
25. Malinin V. B. Entsiklopediia uголовного prava. T. 4. Sostav prestupleniia [Encyclopedia of criminal law. Vol. 4. Corpus delicti]. St. Petersburg, Professor Malinin Publ., 2005. 797 p. (In Russian)

For citation: Tarbagaev A. N., Moskaev G. L. Public calls to the performance of terrorist acts (article 205.2 of the criminal code of Russian Federation): problems of criminal law regulation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 14. Law*, 2016, issue 2, pp. 28–39. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.203

Статья поступила в редакцию 10 марта 2016 г.;
рекомендована к печати 20 мая 2016 г.